

Михаил Безродный
К источникам «Подпоручика Кижее»

гл. 5:

Юрий Александрович Нелединский-Мелецкий сказал: ждать, и в этом не ошибся.

Потому что великий страх Павла Петровича медленно, но верно переходил в жалость к самому себе, в умиление. ...

Юрий Александрович всегда верхним чутьем чуял перемену. Он выждал с неделю, а потом почуял. Тихими, но веселыми шагами он потоптался вокруг стеклянной ширмы и вдруг рассказал императору в покрове простоты все, что знал о подпоручике Кижее <...> император изнемог от смеха. Он протянул руку за пером, и Юрий Александрович, привстав на цыпочки, прочел вслеп на императорской рукой:

Подпоручика Кижее, в Сибирь посланного, вернуть, произвести в поручики и на той фрейлине женить.

Нетрудно было Нелединскому распознать свойства своего повелителя, приобрести его любовь и доверенность. Он с особенным искусством умел докладывать вспльчивому, строптивому, пугливому и, в первом порыве гнева своего, крайне суровому государю. <...> Прошло недели три, а может быть и более месяца, как Нелединский, улучив веселую минуту у Павла Петровича, принес кипу докладов на утверждение Его Величеству. ... едва Нелединский прочитал половину доклада, царь вскочил с своего кресла, ухватил Нелединского за обе руки и говорит:

— Юрий Александрович, я вижу, сударь, вы знаете сердце вашего государя; благодарю, сударь, вас.

И все доклады с необыкновенным ему милосердием утвердил.

Написав это, император прошелся по комнате с вдохновением.

Он ударил в ладоши и запел свою любимую песню и стал присвистывать:

Ельник, мой ельник,
Частый мой березник...

а Юрий Александрович тонким и очень тихим голосом подхватил:

Люшеньки-люли.

гл. 11:

В одном крыле девствовала фрейлина Нелидова со штатом.

Часто Павел Петрович, виновато миновав стражу, отправлялся на это крыло, а однажды часовые видели, как император быстро выбежал оттуда, со съевшим набок париком, и вдогонку над его головой пролетела женская туфля.

<...> Павел Петрович возгласил: — По чарке вина, по фунту говядины, по рублю на человека! и начал напевать любимую песню:

Ельник, мой ельник.
Частый мой березник,
Люшеньки-люли!

Эту минуту должно было ловить, в эту минуту Павел Петрович был милосерд и доступен, терпеливо каждого выслушивал, поступал кротко и правосудно¹.

Услышав внезапно окрик часового «караул вон!», я поспешно выбежал из офицерской комнаты. Солдаты едва успели схватить свои карабины и выстроиться, а я обнажить свою шпагу, как дверь коридора открылась настежь и император, в башмаках и шелковых чулках, при шляпе и шпаге, поспешно вошел в комнату и в ту же минуту дамский башмачок, с очень высоким каблуком, полетел через голову его величества, чуть-чуть ее не задевши. Император через офицерскую комнату прошел в свой каби-

---

¹ Тургенев А. М. *Записки (1796—1801 г.)* // Рус. старина. 1895. Т. 83, № 5. С. 47, 50—51. Мотив исполнения Павлом «Ельника» как признак того, что он находится в добром расположении духа, использован также в драме Мережковского «Павел I» (д. 1).

нет, а из коридора вышла Екатерина Ивановна Нелидова, спокойно подняла свой башмак и вернулась туда же, откуда пришла².

гл. 15:

Барона Аракчеева тревожила идея государства. Поэтому его характер мало поддавался определению, он был неуловим.

Барон не был злопамятен, бывал иногда и снисходителен. При рассказе какой-нибудь печальной истории он слезился, как дитя, и давал садовой девочке, обходя сад, копейку. Потом, заметив, что дорожки в саду не чисто выметены, приказывал бить девочку розгами. По окончании же экзекуции выдавал девочке пятак. <...>

Он любил чистоту, она была эмблемой его нрава. Но бывал

... с точностью определить свойство его [Аракчеева] характера трудно, тем более что он всегда был озабочен государственными делами <...>

Хотя вспыльчивость иногда и доводила графа до иступления, но злопамятным и мстительным к людям, ниже его стоящим, никогда не был. К поселянам был снисходителен <...> Граф был необыкновенно впечатлителен; так, при рассказе какой-нибудь печальной истории он прослезится, бывало, как дитя, но, заметив, что у какой-нибудь 10-тилетней девочки дорожки в саду не так чисто выметены, в состоянии был приказать строго ее наказывать, но, опомнившись, приказывал выдать ей пятак. <...>

... он любил порядок и чистоту, особенно же пыли нигде

---

² Саблуков Н. А. *Записки / Пер. С. А. Рачинского // Царевубийство 11 марта 1801 года: Записки участников и современников. 2-е изд. СПб., 1908. С. 51—52.* Этот эпизод получил отражение в драме Мережковского «Павел I» (д. 2) и лег в основу рассказа Ауслендера «Туфелька Нелидовой» (см.: Грачева А. М. *Комментарии // Ауслендер С. А. Петербургские апокрифы. СПб., 2005. С. 696—697).*

доволен именно тогда, когда находил изъяны в чистоте и порядке, и, если их не оказывалось, втайне огорчался. Вместо свежего жаркого он ел всегда солонину. <...>

Он был не только скуп, но любил и блеснуть и показать все в лучшем виде. Для этого он входил в малейшие хозяйственные подробности. Он сидел над проектами часовен, орденов, образов и обеденного стола. Его прельщали круги, эллипсы и линии, которые, переплетаясь, как ремни в треххвостке, давали постройку, способную обмануть глаз. А он любил обмануть посетителя или обмануть императора и притвориться, что не видит, когда кто ухитрялся и его обмануть. Обмануть же его, конечно, было трудно.

Он имел подробную опись вещам каждого из своих людей, начиная с камердинера и кончая поваренком, и проверял все гошпитальные описи.

При устройстве гошпиталя, в котором служил отец поручика Синюхаева, барон сам показывал, как поставить кровати, куда скамейки, где должен быть ординаторский столик и даже какого вида должно быть перо, то есть голое, без бородки, в виде римского *salamus* — тростни-

терпеть не мог. Он был более скуп, нежели даже следовало бы при его средствах, ибо часто вместо свежего жаркого подавали соленую телятину <...>

Граф любил блеснуть и показать все в лучшем виде, обманывал посетителей, обманывал и государя, но не сердился, ежели кто ухитрялся и его обмануть. Так, однажды при посещении госпиталя он сделал мне строгий выговор за то, что много лежащих, и надеется <sic!>, что при будущем посещении столько трудных больных не найдет. Что было делать? надобно было его обмануть, и это было нетрудно <...>

... он имел подробную опись вещам каждого из его людей, начиная с камердинера и кончая поваренком или конюхом. По этим спискам поверял он каждый год все имущество, приказывал кое-что переделывать, починить или вовсе уничтожить. Мелочность эта по службе была даже несносна; так, при устройстве госпиталя короля прусского полка, который должен был быть образцовым, граф сам показывал, как

ка. За перо, очиненное с бородкою, подлекарю полагалось пять розог.

поставить кровати, куда скамейки, где должен быть ординаторский столик с чернильницейю и даже какого формата должно быть перо, т. е. без бородки, в виде римского Salamus. Хотя граф и был уверен, что его приказания исполнялись с точностью, но тем не менее хотел сам во всем удостовериться и, зайдя несколько дней спустя в палату с полковником Чевакинским, заметил на подставке для чернильницы брошенное испугавшимся фельдшером перо с бородкою; призвав к столу полковника и меня, он сделал нам замечания, а фельдшеру приказал дать пять розог. <...>

... когда тот протянул прошение, он внимательно прочел его и сделал выговор лекарю, что бумага подписана нечеткою рукой.

Лекарь извинился тем, что у сына рука дрожит.

— Ага, братец, вот видишь, — ответил барон с удовольствием, — и рука дрожит.

гл. 19:

У окна он вел счет людям. Делал перестановки, вычеркивал из памяти Беннигсена, вносил Олсуфьева. Список не сходился.

— Тут моего счета нету...

Еще пример мелочности: как-то раз получил я, по приказанию графа, выговор от дежурного штаб-офицера за то, что мой суточный рапорт подписан был нечеткою рукою³.

Наследник, позадумавшись, сказал мне: «Тут я не найду сво-

---

³ *Европеус И. И. Воспоминания о службе в военном поселении и об отношениях к графу Аракчееву // Рус. старина. 1872. Т. 6, № 9. С. 228—229, 240.*

— Аракчеев глуп, — сказал он его счета ...»⁴.
негромко.

— ...vague incertitude, кото-
рою сей угождается...

Как термин давно (с весны)
стоит в письме сего: Vague in-
certitude, которою сей угожду-
ет...⁵.

гл. 20:

Некто слышал, как государь
сказал графу Палену с улыбкой,
которой давно не видали:

— Дивизией погодить его об-
ременять. Он потребен на важ-
нейшее.

... так ныне, по наказу
к. П.: «дивизиею погодить его
обременять, он потребен на
важнейшее»⁶.

---

⁴ Ростопчин Ф. В. Последний день жизни императрицы Екатерины II и пер-
вый день царствования императора Павла I // *Арх. кн. Воронцова*. М., 1876.
Кн. 8. С. 165.

⁵ Суворов. *Архив внука его Кн. Итальянского, гр. А. А. Суворова-Рымникско-
го* // *Рус. старина*. 1872. Т. 6, № 10. С. 421.

⁶ Там же. Здесь «к. П.» — кн. Потемкин. Таким образом, у Тынянова Па-
вел произносит слова своего заклятого врага.